

Чжун Жуйчжи, держа цыплёнка, сказал Цан Ицзину:

— Дети растут так быстро, через несколько лет она станет взрослой девушкой.

Цан Ицзин поднял голову и улыбнулся ему:

— Почему говоришь как старик.

Чжун Жуйчжи тихо сказал:

— В Новый год все молчат, как-то грустно. У нас дома обычно шумно, а в Новый год все притворяются счастливыми.

Цан Ицзин сказал:

— Тогда расскажу тебе хорошую новость, дело дяди почти решено, после того как вернут деньги, его старый командир помог. После праздников будет суд, адвокат говорит, что, скорее всего, его оправдают, но... работа потеряется.

Глаза Чжун Жуйчжи загорелись, он улыбнулся:

— Ты рассказал тёте и дедушке?

Цан Ицзин кивнул.

— Тётя наверняка счастлива! — Чжун Жуйчжи улыбнулся, его белые зубы выглядели особенно ярко.

Цан Ицзин не был несчастлив, но и не слишком радовался, улыбнулся и продолжил заниматься делами.

Чжун Жуйчжи не стал больше говорить, потому что все ждали, когда дядя вернётся домой, но Хуан Сюцзюань, сказав, что выйдет замуж, явно была серьёзна.

Как только Цан Майфэн вернётся, они распишутся.

Не говоря уже о свадьбе, даже если тайно распишутся, когда живот станет заметным, как это скрыть?

Может, лучше сразу сказать открыто.

Это был, пожалуй, самый странный Новый год в семье Цан, праздничный ужин тоже быстро закончился.

В деревне Новый год был довольно шумным, ходили в гости, играли в карты, болтали. Собирались вместе, чистили арахис, щёлкали семечки.

Чжун Жуйчжи и Цан Ицзин пошли с Жоумэй запускать фейерверки, но девочка была не в настроении, Цан Ицзин отпустил её играть с подругами.

Соседки пришли к Хуан Сюцзюань, сидели вместе, слушали радио, вязали, шили, болтали.

Цан Чжэнцай пошёл к старым друзьям пить, взял с собой солонину и солёный арахис, тоже ушёл.

Поэтому они с Чжун Жуйчжи тоже рано вернулись в комнату, Цан Ицзин чистил грецкие орехи для Чжун Жуйчжи, рассказывал о времени на судне, Чжун Жуйчжи сидел на горячем кане, держа цыплёнка, слушал его, орехи хрустели во рту, это был единственный новогодний аромат конца 1977 года.

Примерно в восемь вечера кто-то постучал в ворота, это был бухгалтер Тянь из бригады.

Цан Ицзин вышел открыть, бухгалтер Тянь сказал, что на имя Чжун Жуйчжи пришла посылка в бригаду, по дате она пришла вчера, но после Малого Нового года в бригаде никого не было, он увидел её сегодня, когда пошёл положить бухгалтерские книги.

Посылок было много, попросил привезти тележку, чтобы забрать, в бригаде они занимали место, да и впечатление не лучшее.

Цан Ицзин дал бухгалтеру Тяню пачку сигарет, вежливо поблагодарил.

Чжун Жуйчжи удивился:

— Мама уже прислала мне посылку в этом месяце.

Сейчас политика стала мягче, Яо Мянью тоже стало легче, она почти каждый месяц присылала Чжун Жуйчжи вещи, еду, напитки, так много, что соседи и бригада тоже получали свою долю.

— Может, к Новому году прислала больше, — сказал Цан Ицзин. — Я возьму тележку.

— Я тоже пойду, — сказал Чжун Жуйчжи.

Перед Новым годом выпал снег, сейчас он уже растаял, дорога была почти чистой, только на обочинах и крышах остался снег.

— Хорошо, дорога не скользкая, садись на тележку, — Цан Ицзин достал толстую куртку, укутал Чжун Жуйчжи, надел ему две пары носков.

— Носки слишком толстые, не влезут в ботинки, — сказал Чжун Жуйчжи.

— Влезут, — Цан Ицзин ослабил шнурки на ботинках. — Я специально купил на два размера больше, чтобы можно было носить толстые носки.

Эти ботинки он принёс домой только сегодня.

В таком виде он выглядел неуклюже, Чжун Жуйчжи сам не мог сдержать смеха.

Он сел на тележку, Цан Ицзин тянул её впереди.

В конторе бригады в углу действительно лежали посылки, десятки штук, большие и маленькие, все на имя Чжун Жуйчжи.

— Есть письмо, — Чжун Жуйчжи взял его. — Это мой брат прислал.

Он говорил о своём сводном брате.

— Я не видел его уже пять лет, но когда ездил в Пекин снимать гипс, он мне звонил, — Чжун Жуйчжи с нетерпением открыл письмо, чтобы бегло просмотреть.

Цан Ицзин начал складывать вещи на тележку.

Обычно Чжун Жуйчжи, прочитав письмо, тоже помогал бы, но на этот раз Цан Ицзин уже всё сложил, а Чжун Жуйчжи всё ещё стоял, держа письмо.

— Жуйчжи? — Цан Ицзин толкнул его. — Пора домой.

— Ага, — он очнулся.

— Что случилось?

Чжун Жуйчжи сложил письмо, обнял Цан Ицзина и вдруг громко засмеялся, радостно подпрыгивая:

— Папу реабилитировали. Брат говорит, что документы... как только их подпишут, он сможет вернуться домой, вероятно, в марте или апреле.

Цан Ицзин тоже обрадовался за него, улыбнулся и обнял его:

— Это замечательно.

Чжун Жуйчжи сильно кивнул, в его глазах уже были слёзы:

— Я так по нему скучал... Синьцзян... так далеко... два года, наконец-то он вернётся домой.

По дороге домой Чжун Жуйчжи всё ещё сидел на тележке, прислонившись к посылкам от брата, смотрел на зимние звёзды.

— Сегодня вечером почти нет ветра, — сказал он.

Кроме редких хлопков петард, дорога была тихой. Цан Ицзин тянул тележку, он сидел на ней.

Ему вдруг захотелось, чтобы дорога домой была длиннее.

Когда шли, он боялся, что дорога будет слишком длинной, и его Цзин Гэ устанет, а теперь хотел, чтобы он тянул его ещё дальше.

— Твой отец вернётся домой, и ты тоже уедешь, — сказал Цан Ицзин.

Чжун Жуйчжи только сейчас вспомнил, помолчал и кивнул.

Всё заканчивается...

Цан Ицзин сказал:

— Это хорошо, Жуйчжи, в следующем году ты точно сможешь подать заявление на экзамены.

Снова долгое молчание:

— Цзин Гэ, иди медленнее.

— Хорошо.

Спустя все трудности и повороты, они всё равно должны были расстаться весной 1978 года.

В посылках было много того же, что и в посылках от Яо Мянью, разве что добавились деликатесы из Гуандуна и контрабандная обувь, одежда из порта.

Но одна вещь была новой.

Чёрный кассетный магнитофон размером с кирпич и кассета размером с ладонь.

На кассете была изображена модная певица в красном платье, с надписью «Дэн Лицзюнь, Гонконгская любовь».

Цан Ицзин с любопытством спросил:

— Что это?

— Наверное, очень популярная певица из Гонконга и Тайваня, — сказал Чжун Жуйчжи.

— Гонконгская любовь, — прочитал Цан Ицзин на обложке. — Гуандун близко к Гонконгу.

— Да, — сказал Чжун Жуйчжи. — Брат говорил, что там есть те, кто переплывает в Гонконг, говорят, что Гонконг — это золотая жила, везде золото, очень развитый, ночью, стоя в гавани Виктория, видишь неоновые огни, как в старом Шанхае.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197263>